

місце та значення у бутті. При цьому вона пішла не шляхом розвінчання-знищення концепцій попередників, а шляхом їх розвитку за рахунок поєднання есенціалістського підходу з екзистенційно-феноменологічним. У результаті було виявлено: 1) наскільки важливим для розвитку антропологічної рефлексії є формування нових методологічних принципів пізнання, завдяки яким у знання про людину можна внести багатоманітність та толерантність; 2) розуміння, що визнання існування певного субстанційного механізму, жорстко детермінуючого людину, з яким пов'язується існуючий образ-феномен людини, заважає усвідомленню її полісутнісної природи і утвердженню ідеї свободи в якості істинно людського способу буття у цьому світі; 3) необхідність заснування філософської антропології на багатоманітності, індивідуальності і взаємопов'язаності всіх проявів людського у цьому світі, відповідно антропологія з необхідністю набуває феноменологічного забарвлення; 4) розуміння людини як істоти екзистуючої призвело до формування ідеї про її полісутнісну природу, в межах якої монетарній свідомості суб'єкта сучасної європейської культури протистоять гуманістичні цінності традиційних культур; 5) філософсько-антропологічна рефлексія нині намагається створити новий проект людини, нову когнітивну модель, яка стане поштовхом до розвитку європейської культурної спільноти.

Бібліографічні посилання

1. **Бауман З.** Текучая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. **Лиотар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Институт экспериментальной социологии. – СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
3. Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. научн. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Мн.: Современный литератор, 2007. – 816 с.
4. **Lyotard J.-F.** La condition postmoderne: Rapport sur le savoir. – P., 1979.

Надійшла до редколегії 17.12.09

УДК 165.6

Ф. Ф. Товстопяtko

Запорожский национальный университет

АНТРОПОЛОГИЯ В. В. РОЗАНОВА: МАРГИНАЛИЗМ ИЛИ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ

Присвячена методологічним аспектам філософії В. В. Розанова. Підкреслено наближеність стилю і методології мислителя неklasичним філософським концепціям ХХ ст. Показано, що маргіналізм є головним тематичним стрижнем антропології російського філософа. **Ключові слова:** антропологія, маргіналізм, універсалізм, релігійність, метод.

Посвящена методологическим аспектам философии В. В. Розанова. Подчеркнуто близость стиля и методологии мыслителя неклассическим философским концепциям XX века.

© Товстопяtko Ф. Ф., 2010

Показано, что маргинализм является основным тематическим стержнем антропологии русского философа.

Ключевые слова: антропология, маргинализм, универсализм, религиозность, метод.

Article is devoted to methodological aspects of philosophy of V.V. Rozanov. The affinity of style and methodology of the thinker to nonclassical philosophical concepts XX century is emphasized. It is shown, that marginalism is the basic thematic core of anthropology of the Russian philosopher.

Key words: anthropology, marginalizm, universalizm, religiousness, a method.

Современное рассмотрение человека и его пребывания в мире, изучение его базовых, универсальных и окказиональных характеристик отличается значительной пестротой и разнообразием. Философская антропология в своих попытках обнаружить подлинную природу человека, просто растворила его в бесчисленных фактах, свойствах и диспозициях, что не могло не привести к потере самого предмета рассмотрения. На фоне продолжающейся специализации возникает интерес к теориям конца XIX – начала XX века, отличавшимся несравнимо большей целостностью и стремлением вписать все человеческое в некий универсальный контекст. Именно в этот период происходит радикальная смена проблематики, характерная, разумеется, лишь для западно-европейской антропологии, и ее способа рассмотрения человека. Возникает интерес к таким проявлениям человека и свойствам его мира, которые ранее либо не рассматривались вообще, либо оставались в ведении узкого круга специалистов.

На сегодняшний день нет недостатка в обоснованиях и описаниях такого изменения. Приведем лишь некоторые из них: «На рубеже XIX–XX вв. произошел некоторый сдвиг от попыток классической антропологии свести сущность человека к одному основному принципу или субстанции (обычно – разуму), к неклассическим представлениям о сложности и многообразии феноменов человеческого бытия и невыразимости (неуловимости, парадоксальности) природы человека. Для философских учений XX в. показательное резкое расширение антропологической проблематики и сдвиг интересов в сторону таких феноменов человеческого бытия, которые можно было бы назвать *маргинальными*.

Неклассическая европейская философия отличается новыми подходами к старым проблемам и специфическим выбором феноменов человеческого бытия для своего анализа (*язык, текст, понимание, сексуальность, телесность, извращение, сумасшествие, преступление*), что потребовало и соответствующей методологии (лингвистический анализ, герменевтика, психоанализ, феноменология, экзистенциализм, структурализм, постмодернизм).

Показателен особый интерес к измененным состояниям сознания, экстремальным и пограничным ситуациям, телесным практикам, радикальному опыту, всему тому, что может обнаружить предел возможностей, показать масштаб человеческого в человеке, указать на нечто Иное, быть местом встречи с принципиально Другим. Можно попытаться выделить нечто общее в архаических мифах, в философии Древнего Востока и в направлениях современной западной философии, то, что можно было бы назвать *маргинальной антропологией* [4].

Термин, введенный автором, достаточно интересен, но определен, скорее, интуитивно-феноменологически, нежели аналитически. Иначе говоря, маргинальность

тракується злишком упрощенно. Нет ничего маргинального, если мы, говоря о человеке, рассматриваем его телесность, сексуальность, патологии, понимание и т. п. То обстоятельство, что ранее это оставалось вне рассмотрения, еще не означает их маргинальности по сути. Странность некоторых человеческих проявлений для философа с традиционной подготовкой еще не означает их действительной маргинальности в системе человеческих характеристик. Перечисление же автором т. н. «методологий», применяемых для описания маргинальности, выглядит и вовсе не убедительно, напоминая хаотичный конгломерат, нежели связную классификацию, также, как и его перечень самих маргинальностей.

Гораздо большей точностью и глубиной отличается подход И. В. Павловского, который указывает, что маргинализм большинства антропологических концепций в XX веке является отнюдь не провокацией или эпатажем, но, скорее, следствием предельного, окончательного («финального», в определении автора) рассмотрения специфики человеческого существования. Именно последнее является всегда маргинальным или же вовсе запредельным для любого возможного рассмотрения. Таким образом, всякое полное, целостное исследование человека непременно, по определению, должно быть маргинальным. Так, «...философское рассмотрение сознания и свойств человеческой субъективности почти неизбежно должно отталкиваться от того факта, что само сознание представляет собой едва ли закономерный и предусмотренный факт естественной истории. В определенном смысле оно есть некое превозмогание, надрыв, выход за пределы возможного, если угодно, хулиганство, величайшая маргинальность в цепи эволюции природы» [8, с. 201].

В этом отношении все, что связано с человеком и описанием человеческого мира, является экстраординарным и маргинальным при условии, что мы будем рассматривать человека во всей полноте его характеристик.

Среди авторов начала XX ст., чей подход отличался целостностью и глубиной (впрочем, не отличаясь при этом системностью), а представление о человеке – высочайшей ответственностью, особо выделяется фигура В. В. Розанова, который, наряду с другими мыслителями своей эпохи, являлся водоразделом между классическим, или «правильным», рассмотрением человека и попыткой включить в орбиту наших антропологических знаний доселе отвергаемый материал.

Тот факт, что В. В. Розанов обращает внимание именно на маргинальности и рассматривает все подобные феномены достаточно свободно, не боясь затронуть чувства обывателя, говорит о незаурядной интуиции русского мыслителя, который еще в начале XX века предвосхитил целый ряд тенденций развития философской антропологии. То обстоятельство, что сам Розанов постоянно связывал антропологическую и религиозную проблематику, едва ли что-то изменяет по сути, ведь и в западноевропейской науке не было недостатка в религиозно-антропологических концепциях (Т. де Шарден, А. Швейцер). Любопытно также, что большинство подобных попыток было связано с более или менее радикальным отказом от ортодоксальной христианской доктрины, что уже само по себе является неким маргинальным показателем.

Маргинализм антропологии Розанова может быть рассмотрен по меньшей мере в двух аспектах: *во-первых*, с точки зрения выбора проблематики и, *во-вторых*, того способа рассмотрения, или *метода*, которым постоянно пользуется автор.

В первом отношении обращает на себя внимание тематический спектр Розанова, знаменующий собой поворот к неклассической философии: проблемы пола, сек-

суальности, патологических или социально нежелательных аспектов половых отношений (гомосексуализм, садизм и пр.). Вообще говоря, проблематика сексуальных перверсий является ныне законной областью философской рефлексии. Достаточно вспомнить «Историю сексуальности» М. Фуко [12], или теоретиков современных гендерных исследований, *Queer-theory* и др. [5; 6; 10]. С точки зрения последних, Розанов, например, в своих трактовках генезиса перверсивных тенденций в развитии человека оставался эссенциалистом, признавая, что перверсия существует во времени как универсальный феномен, который имеет свою пусть маргинальную, но продолжающуюся и связную историю. Таковы рассуждения Розанова о т. н. «третьем поле» и его носителях: «Если хотите – он *третий* человек около Адама и Евы; в сущности – это тот «Адам», из которого *еще не вышла* Ева; первый *полный* Адам. Он древнее того «первого человека, который начал размножаться». Он смотрит на мир более древним глазом; несет в натуре своей более древние залоги, помнит более древние сказки мира и более древние песни земли. В космологическом и религиозном порядке он предшествует размножению; размножение пришло потом, пришло позднее, и покрыло его, как теперешние пласты земли покрыли девонскую или юрскую формацию. Он – девонская формация; размножение – теперешняя» [9, с. 304].

Характерно при этом, что Розанов сочетал подобный подход с конструкционистскими тенденциями, полагая перверсивное поведение не столько бедой или виной человека, сколько способом социальной и полоролевой идентичности последнего. С этим, в частности, связана его едкая критика «официальных» в то время теорий пола и сексуальных перверсий – теории Крафта-Эббинга: «Книжка, или книжонка, о которой мы говорим, «Половая психопатия» Крафта-Эббинга. *Παθος* – значит «страдание»: то, от чего *кричат*, на что имеющие ее – *жалуются*. И хотя никто из описываемых в книжке лиц не «кричал» и не «жаловался» Крафту-Эббингу, но он собрал ставшие известными ему факты в книжку «о страданиях пола», не имея для этого даже того основания, какое имел бы *механик*, занятый давлениями, толчками и вообще действиями на *вещественные массы*, наименовать «патологической физикой» явления электричества, гальванизма или явления света, где эти *массы* отсутствуют» [9, с. 271].

Розанов прекрасно понимал искусственность, сконструированность, социальную и культурную заданность большинства наших представлений о поле и пытался обнаружить наиболее исходные, незамутненные последующими привнесениями, источники и механизмы сексуальности человека.

В этом отношении философ не был одинок. Тема, что называется, «носила в воздухе», стоит вспомнить хотя бы О. Вейнингера [2], см. также о «духе эпохи» [1, с. 70–75].

Само творчество Розанова в этом отношении может быть признано новаторским даже без учета его конкретных выводов и результатов. Немаловажную роль в понимании позиции философа играет его особое отношение к религии, точнее, к христианству, приводящее его в конечном итоге к собственному особому типу религиозности неоязыческого толка. Попытка вписать особые, разрозненные, периферийные для официальной науки, феномены человеческого в более широкий контекст актуализирует вторую сторону маргинализма Розанова – его метод.

Едва ли можно говорить о «методе Розанова» как о некоей специально сконструированной системе рассмотрения материала. Вероятнее всего, философ действовал достаточно естественно и органично, стараясь не повредить ткань рассматривае-

мого явления избыточной аксиоматизацией или навязанными извне принципами. Подобным подходом Розанов так или иначе предвосхищает знаменитые принципы ризомы, сформулированные Ж. Делезом и Ф. Гваттари:

«Система-корешок, или мочковатый корень – второй образ книги, который с удовольствием рекламируется нашей современностью. На этот раз основной корень не дозрел или разрушается почти до основания, от него отпочковывается множество второстепенных корней, которые разрастаются в полную силу. На этот раз природная действительность проявляется в отторжении основного корня, но от этого его единство не становится меньше, в качестве прошлого, будущего или возможного единства. Мы должны задаться вопросом: не компенсирует ли духовная и разумная реальность такое положение вещей, выставляя, в свою очередь, требование еще более всеохватывающего скрытого единства или еще более экстенсивной тотальности. Рассмотрим метод *cut-up* Буррога: накладывание одного текста на другой, составленное из множественных и даже случайных корней (можно сказать, черенков), включает в себя дополнительное измерение рассматриваемых текстов. Именно в этом дополнительном измерении складки единство продолжает свою духовную работу. Именно в этом смысле даже самое раздробленное произведение может быть также представлено как целостное Произведение или Великий Опус» [11, с. 12].

Действительно, все произведения В. В. Розанова могут быть рассмотрены как некая целостность, о чем неоднократно писали исследователи его творчества. Характерно, например, замечание Д. Галковского об «Опавших листьях»: «... в конечном счете, «в конце», «в отдаленном» все эти листья сливаются в нашем мозгу в ослепительную точку абсолютной истины, прожигающей перегородку между читателем и писателем. А после этого, после того как розановский мир становится нашим миром, и уже не ясно, где кончаются его мысли и где начинаются наши, после этого совершенно отпадает потребность в какой-либо системе, то есть откуда-то извне навязанной схеме» [3, с. 14]. Более того, вообще все произведения Розанова образуют единую философскую систему. Так же как листья трилогии сливаются в книгу, точно так же все другие работы Розанова образуют «розановский мир», по своей сути стройный и упорядоченный [3, с. 27].

Все это весьма напоминает принципы ризомы: «1 и 2. Принципы связи и гетерогенности: любая точка ризомы может и должна быть присоединена к любой другой ее точке. Это весьма отличается от дерева или корня, которые фиксируют место, порядок» [11, с. 13].

Сюда же может быть отнесен и «3. Принцип множественности: только когда множественность действительно используется как субстантив, множественность, – нет больше никакого отнесения к Единому как к субъекту и объекту, как к природной или духовной реальности, к образу и миру. Множества ризоматичны и изобличают древовидные псевдомножества. Не существует ни единства, которое бы служило стержнем в объекте, ни такого, которое бы разделялось в субъекте» [11, с. 14–15].

Метод Розанова не генетический и не структурный, он, скорее, напоминает картографирование духовных ландшафтов. Розановская ризома «... не является ответственной ни за какую структуральную или генеративную модель. Она чужда всякой идее генетической оси в качестве глубинной структуры. Генетическая ось подобна объективному стержневому единству, на котором образуются последовательные ста-

дии; глубинная структура похожа, скорее, на базовое следствие, разложимое на непосредственные составляющие, тогда как единство продукта переходит в другое измерение, изменчивое и субъективное» [11, с. 16].

В силу всего этого метод Розанова не подлежит «развинчиванию» на структурные компоненты, не усматривается прямым взглядом, его можно лишь подсмотреть, но нельзя остановить и зафиксировать. Здесь более подходит остенсивное определение («вот он!») или, в духе Витгенштейна, определение посредством употребления, использования («делай как я!»). Способ письма Розанова проще продемонстрировать, чем объяснить, что это такое. Для Розанова характерен философский импрессионизм. Мир слишком сложен, чтобы его было возможно уложить в какую-либо готовую схему. Человек для этого слишком бессилен. И вот, чтобы не разрушить целостность мира, не дать ему умереть, распастись на ряд сегментов, Розанов разбивает на сегменты саму систему. И через это уничтожение системы, через свой импрессионизм, ему удастся все-таки создать целостное и гармоничное мировоззрение. А следовательно, и новую систему [3, с. 26].

Таким образом, периферийные, нетипичные, а подчас и просто нелепые с точки зрения наивного мирозерцания свойства человеческого существа требуют для своего адекватного представления столь же неординарной системы или метода изложения, который обнаруживается в самом своем отсутствии. В данном случае метод изложения очевидно адекватен самому материалу, его сложности и неоднозначности.

Можно задаться вопросом: так ли это на самом деле? Неужели маргинальности, о которых идет речь, не могут быть рассмотрены иначе, более традиционным способом? В конце концов имеются достаточно впечатляющие примеры научного дискурса (психоанализ) в отношении пола, патологий, перверсий и пр.

Думается, что В. В. Розанов вполне выдерживает конкуренцию с психоанализом, во всяком случае, хотя бы в этом отношении. Разумеется, никто не сравнивает научного влияния, популярности, возможности практического использования и т. п. Однако в мастерстве передачи подлинного человеческого чувства, экзистенциальной и психологической насыщенности изложения Розанову мало равных.

Отстаивая целостного, *универсального* человека, В. В. Розанов обращает внимание на те аспекты человеческого существования, которые порой стыдливо обходили даже специалисты. Стоит ли говорить, что проблематика, интересующая Розанова, оставалась в разряде научных табу вплоть до самого недавнего времени. Достаточно вспомнить энциклопедию «Мифы народов мира» [7], которая идеально вычищена от «маргинальной», неполиткорректной проблематики: сексуальности, перверсивных и патологических образов и т. п.

Своего универсализма и целостности В. В. Розанов достигает именно за счет внимания к частностям и периферийным аспектам антропологии, являя собой образец научной честности и последовательности. Немаловажно также, что этой проблематике соответствует и своеобразная «методология» Розанова, напоминающая философскую технику постструктурализма и представляющая собой процедуру тщательного «ощупывания» материала. Для В. В. Розанова характерно отсутствие жесткой аксиоматики, медленное высвобождение разнородных фактов и обстоятельств человеческого существования (ризомы), которые впоследствии

постепенно сливаются в целостный образ и создают связную картину нашего присутствия в мире.

Библиографические ссылки

1. Берштейн Е. Трагедия пола: две заметки о русском вейнингеризме / Е. Берштейн // Эротизм без границ: Сборник статей и матер. – М.: Н.Л.О., 2004. – С. 64–89.
2. Вейнингер О. Пол и характер. Принципиальное исследование / О. Вейнингер. – М.: ТЕРРА, 1992. – 480 с.
3. Галковский Д. Е. Бесконечный тупик / Д. Е. Галковский. – М., 1998. – 1057 с.
4. Гурин С. П. Маргинальная антропология / С. П. Гурин. – Режим доступа: www.philosophy.ru/library/margin
5. Джагоз А. Введение в квір-теорию / А. Джагоз; пер. с англ. М. Кукарцевой. – М.: Канон+, 2008. – 208 с.
6. Иригарей Л. Этика полового различия / Л. Иригарей. – М.: Художественный журнал, 2004. – 183 с.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – Изд. 2-е; под ред. С. А. Токарева. – М.: Российская энциклопедия-Олимп, 1997.
8. Павловский И. В. Маргинализм или финитизм? / И. В. Павловский // *Θάνατος*: Исследования традиций смерти и умирания в европейской культуре. – М., 2002. – С. 196–210.
9. Розанов В. В. В темных религиозных лучах / В. В. Розанов. – М.: Республика, 1994. – 476 с.
10. Сэдживик И. К. Эпистемология чулана / И. К. Сэдживик. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 272 с.
11. Deleuze G., Guattari F. Capitalisme et schizophrénie 2. – MILLE PLATEAUX. – Paris: Les Éditions de Minuit, 2006. – 648 с.
12. Foucault M. Histoire de la sexualité II. L'usage des plaisirs. – Paris: Gallimard, 1976. – 343 p.

Надійшла до редколегії 02.12.09

УДК 128

Я. В. Узун

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ВІДОБРАЖЕННЯ ВЗАЄМОДІЇ ФЕНОМЕНА ЖИТТЯ ТА СМЕРТІ У ФІЛОСОФСЬКІЙ ДУМЦІ КИЇВСЬКОЇ РУСИ

Присвячена аналізу поглядів на життя і смерть, що були поширені в українській філософській думці в період Київської Русі. Дослідження проведено на основі твору Володимира Мономаха «Повчання».

Ключові слова: життя, смерть, релігійний синкретизм, двовір'я.

Посвящена анализу взглядов на жизнь и смерть, что были распространены в украинской философской мысли в период Киевской Руси. Исследования проведены на основе произведения Владимира Мономаха «Наставление».

Ключевые слова: жизнь, смерть, религиозный синкретизм, двоеверие.